

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

и ГЕОГРАФИЯ

1896

I-й
ГОДЪ.

НАУЧНО-
ПОПУЛЯРНЫЙ

И
ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ
ЖУРНАЛЪ.

КОНТОРА РЕДАКЦИИ

Москва, Большая Полянка, д. Учительскаго
Института, кв. 2.

ПО ЮГО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.

II.

Вдоль Великой Сибирской дороги.

Я видѣлъ г. Челябинскъ въ то время, когда тамъ еще не строилось Сибирской желѣзной дороги, я видѣлъ его въ то время, когда только что ее начали строить, всего четыре года тому назадъ, и теперь, въѣзжая въ этотъ сибирскій городокъ, жившій исключительно только черноземомъ своихъ полустепныхъ, полулѣсныхъ равнинъ, жившій только привозомъ хлѣба, который тянулся изъ него на ближайшіе горные уральскіе заводы, который жилъ только своими ярмарками, на которыхъ собирался изъ деревень шумный людъ за самыми существенными припасами для домашняго хозяйства, привозя туда воза хлѣба, живности, разѣзжаясь оттуда на пустыхъ телѣгахъ, подъ вечерокъ, по грязнымъ проселочнымъ дорогамъ, я рѣшительно не узналъ его: такъ онъ измѣнился. Тѣ простые домики торгующаго люда, которые стояли когда-то съ открытыми воротами, ожидая воза хлѣба, теперь перестроились въ каменные или деревянные дома уже настоящей городской архитектуры; тѣ скромныя лавочки, гдѣ прежде отъ нечего дѣлать купцы играли въ шашки, превратились въ магазины чуть не съ зеркальными окнами; тѣ постоянныя дворы, въ которыхъ только и можно было найти тогда пріютъ, теперь замѣнились словно вдругъ выросшими гостиницами, гдѣ хотя и не было такого комфорта, какой мы привыкли видѣть въ городахъ Европейской Россіи, но зато были такія цѣны, которыя не уступятъ московскимъ...

Городъ выпрямился, разросся, подался къ станціи дороги, которая словно нарочно стала подальше отъ него, чтобы вытянуть его въ свою сторону; появились новыя дома, постройки, сады, претензія на украшенія воротъ, оконъ; все приняло свѣжій видъ; городъ обновился, словно въ немъ четыре-пять лѣтъ тому назадъ былъ страшный пожаръ, который сразу заставилъ его перестроиться по новому порядку. Даже тѣ жалкіе домики, которые, бывало, видишь, въѣзжая въ городъ по тракту, которые словно нарочно были выстроены ихъ хозяевами для того, чтобы, придя потомъ въ упадокъ, враси наполовину въ землю, даже эти домики выпрямились, приподнялись на мѣстѣ, щеголяли теперь нѣсколькими новыми бревнами, мастерски вправленными въ ихъ покосившіяся стѣны, съ новыми окнами и придѣланнымъ снаружи крыльцомъ, которое вело теперь въ двери, надъ которыми висѣла лаконическая надпись: „Питейное заведеніе“ или „Портной изъ Перьми“.

Я не узнавалъ города, такъ для него оказалась выгодной Сибирская дорога. На улицахъ было необыкновенное для меня движеніе, ярмарочная площадь буквально кишѣла народомъ, и народъ былъ не столько рабочіе, люди деревни, сколько переселенцы. Они цѣлыми группами переходили отъ лавки къ лавкѣ; они цѣлыми кружками толпились около продавщицъ хлѣба, квасу, пряженцевъ, пельменей; они цѣлой толпой окружали деревенскія телѣги, съ которыхъ продавались зеленые огурцы. И смотря на эту толпу, которая словно нагрянула на этотъ городъ, словно нарочно явилась сюда мѣнять свои мѣдные пятаки, мнѣ стало понятно, откуда такая жизнь въ этомъ городѣ, гдѣ уже давно окончилась постройка желѣзной дороги, гдѣ уже жизнь, разъ потревоженная наплывомъ народа, рабочихъ, должна была бы войти въ свою, если хотя не въ старую, то въ новую, но болѣе спокойную, колею. Эти переселенцы, которымъ здѣсь приходится ожидать тысячами по нѣскольку дней поѣздовъ Сибирской дороги, которые ежедневно сюда прибываютъ и прибываютъ даже специальными поѣздами изъ Россіи, изъ-за Урала, вѣроятно и есть та причина быстрого обновленія города, кромѣ того, что дѣйствительно даетъ ему постройка дороги и теперь вторая постройка вѣтви на Екатеринбургъ, которой суждено окончательно сдѣлать этотъ скромный городокъ чуть не центромъ Южнаго Урала, связавши его съ Европейской Россіей, Сибирью, и теперь еще связывая его съ богатымъ, оживленнымъ, вѣчно дѣятельнымъ, горнозаводскимъ Ураломъ на всемъ его самомъ производительномъ пространствѣ.

Когда я ѣхалъ осенью обратно съ Алтая, когда я снова послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ былъ въ этомъ городѣ, я уже былъ свидѣтелемъ встрѣчи пассажирскаго поѣзда, который пришелъ изъ Екатеринбурга. Такъ быстро здѣсь строятъ дороги, такъ быстро здѣсь подвигается дѣло желѣзныхъ дорогъ, которые еще, пожалуй, не насчитываютъ полутора года своего существованія съ начала постройки и ея разрѣшенія.

* * *

Я не сталъ дожидаться два дня, когда отсюда долженъ былъ отправиться пассажирскій поѣздъ въ Сибирь (они ходили только два раза въ недѣлю), съ переселенческими же поѣздами ѣхать было немислимо и нельзя по уставу дороги, а мнѣ нужно было проѣхать по линіи еще нѣсколько сотъ верстъ, затѣмъ своротить немного въ сторону, и я, взявши лошадей, съ звономъ колокольчиковъ покинулъ Челябинскъ.

Мой ямщикъ, погоняя заморенныхъ, заѣзженныхъ лошадей, казалось, тоже торопился, какъ торопится теперь все въ этомъ новомъ городѣ желѣзной дороги; онъ жаловался, что ему некогда спать отъ пассажировъ, что хозяинъ окончательно загонялъ лошадей, словно торопясь застать еще горячее время, словно старался впередъ вознаграждать себя за то, что отниметъ отъ него завтра же дорога, и рѣшительно не имѣлъ никакого состраданія къ бѣднымъ животнымъ, выбивая изъ нихъ послѣднія силы и мѣняя ихъ чуть не каждую недѣлю, чтобы возить и возить пассажировъ, которые валились къ нему словно съ неба...

Ямщикъ даже не далъ лошадямъ отдыха на станціи и, только что получивъ

отъ меня на чай, только что напившись квасу, который принесла ему поскорѣе женщина, снова сѣлъ на козлы и погналъ бѣдныхъ животныхъ въ городъ, боясь, что его забранитъ хозяинъ, который платилъ ему большую цѣну — цѣлыхъ семь рублей въ мѣсяцъ, что, казалось, было чуть не генеральскимъ для него жалованьемъ...

Но на слѣдующихъ уже станціяхъ не было этого спѣха: деревня, казалось, жила совсѣмъ другой жизнью, чѣмъ этотъ городъ, который раньше жилъ, какъ эта деревня, и хотя мы цѣлыхъ полтора ста верстъ ѣхали вдоль самаго пути Сибирской дороги, хотя она отъ этого тракта была всего въ нѣсколькихъ верстахъ, даже не было десятка верстъ сначала, даже ее указывали ямщики кнутикомъ, но вліяніе ея рѣшительно нигдѣ не было замѣтно: ни въ постройкахъ деревень, ни въ оживленіи грязныхъ улицъ, ни въ лицахъ встрѣчныхъ мужиковъ съ возами, которые жили и теперь такъ же, какъ жили много лѣтъ раньше, какъ я привыкъ уже ихъ видѣть, проѣзжая не въ первый разъ по этому тракту въ Сибирь.

Мнѣ казалось сначала, что дорога еще мало коснулась ихъ жизни, что еще не было достаточно времени, чтобы внести въ эти деревни свою жизнь, кипучую дѣятельность, но послѣ я пришелъ къ другому мнѣнію, — дорога совсѣмъ была чужда деревнѣ, хотя она проходила мимо. Деревня осталась съ своими интересами, съ своей жизнью, даже не прикоснувшись къ чуждой ей дѣятельности, ея рабочія силы остались при ней, на ея поляхъ, лугахъ, съ сохой, бороной, на пашнѣ; у ней нѣтъ людей для нея, ее не соблазнилъ легкій заработокъ, отхожіи промыслы, веселая жизнь; она осталась пассивной зрительницей желѣзнодорожной, чуждой для нея, дѣятельности, и растянувшись вдоль рѣкъ, озеръ, рѣчекъ, полная хлѣбомъ, окруженная гумнами, она всецѣло поглощена своей замкнутой жизнью, не имѣя времени даже взглянуть на то, что дѣлается подъ ея бокомъ, словно это дѣло совсѣмъ не ея касается, словно это дѣло чуждо ея интересамъ...

Правда, порой, говорятъ ямщики, къ нимъ приходятъ рабочіе съ дороги за хлѣбомъ, яйцами, порой пируютъ въ ихъ кабакахъ, порой даже грабятъ, обижаютъ ихъ, порой къ нимъ наѣзжаютъ за тѣми же припасами служащіе станціи, покупаютъ у нихъ все за хорошую цѣну, но это — все, чѣмъ дорога даетъ знать о себѣ деревнѣ. Разговаривая съ крестьянами о ней, я даже замѣтилъ не только равнодушіе, но и даже недружелюбіе къ ней. Одинъ жаловался, что она сманила у него сына легкимъ трудомъ, котораго теперь уже не заманишь на пашню; другой говорилъ, что съ тѣхъ поръ стало больше воровства; третій, что теперь уже не оставишь попрежнему въ страду домъ съ одними ребятишками; четвертый пророчилъ, что они совсѣмъ останутся скоро безъ лѣса, который уже тащатъ по веснѣ мужики и съ безъ того оголенныхъ полей на станціи дороги. И во всѣхъ этихъ разговорахъ только одни ямщики были за дорогу, говоря, что она даетъ имъ хорошіи заработокъ, не обращая вниманія на то, что они, спиваясь, загоняя лошадей до послѣдней степени, сами невольно отстаютъ отъ полевыхъ работъ, превращаясь въ людей, не замѣтно для себя, ищущихъ легкой и скорой наживы.

Такъ судила о чугункѣ сибирская деревня. И она была права. Мнѣ казалось даже, что она боялась ея и что она основательно боялась того, что она внесетъ въ послѣдствіи въ ихъ жизнь нѣчто новое, а именно жажду легкаго заработка, легкой наживы, когда рядомъ съ дороговизной хлѣба поднимутся и цѣны на рабочія руки, когда рядомъ съ возможностью легче нажать копейку, съ возможностью продать изъ дома на станцію то, что нужно семьѣ, въ той же погонѣ за деньгами, явится и ненужная для нея роскошь и вмѣстѣ съ тѣмъ недостатокъ въ семьѣ и раздоръ...

И проѣзжая теперь деревни за деревнями, села за селами вдоль Сибирской желѣзной дороги, я невольно почему-то вспоминалъ бѣдныя сѣрыя деревушки вдоль другихъ желѣзныхъ дорогъ плодородной Россіи, съ сѣрыми, покосившимися, заброшенными домиками, съ пустой улицей, съ разоренными пустыми гумнами на задворкахъ, и мнѣ казалось, что этотъ консерватизмъ сибирской деревни, эта замкнутость скорѣе выведутъ ее изъ нужды при немного поднявшихся цѣнахъ на хлѣбъ, чѣмъ если бы она бросилась за легкой наживой на дорогу, если бы она выбросила на ея полотно всѣ свои силы, которыя теперь она сумѣла сохранить у себя, даже несмотря на соблазнъ дорогой поденной, временной платы.

Но мнѣ странно показалось то, что, несмотря на близость желѣзной дороги, въ этихъ деревняхъ даже находилось не мало такихъ людей, которые еще даже не бывали на ней, не видали паровоза, поѣздовъ, не знали, что это за дорога, довольствуясь, повидимому, вполне разказами молодежи, которая тянулась туда, болѣе интересуясь дорогой, постройкой ея, чѣмъ пожилые люди деревни.

* * *

Проѣхавъ въ сторону отъ Сибирской желѣзной дороги, я только черезъ мѣсяцъ былъ снова на ея полотнѣ, попавши на одну маленькую промежуточную ея станцію. Это былъ маленькій полустанокъ, гдѣ вмѣсто обычныхъ домовъ станціи, разныхъ построекъ, стоялъ простой деревянный пятистѣнный домъ, гдѣ жилъ начальникъ станціи. Рядомъ съ нимъ, въ пристроенныхъ конурахъ ютились телеграфисты, въ одной миниатюрной комнаткѣ тутъ же стучалъ телеграфъ, гудѣлъ телефонъ; въ сторонѣ было еще нѣсколько лачугъ для прислуги, и только одинъ домъ смотрителя участка дороги, вытянувшись вдоль линіи свѣтлыми окнами, глядѣлъ на нее, какъ бы говоря про будущее, да ряды наваленныхъ повсюду бревенъ и кирпича обѣщали, что здѣсь еще будетъ строиться настоящая станція. Березовый лѣсъ кругомъ, два три поля съ пшеницей, трава по колѣно, комары, тишина кругомъ словно тоже ожидали чего-то отъ будущаго, окружая узкое песчаное полотно дороги съ парой рельсовъ, которая, прибѣгая съ запада, съ плоскаго горизонта, уходила на востокъ, безмолвно соединяя что-то, служба какой-то великой грандіозной цѣли... Еще подѣвжая къ ней, за версту, нельзя было даже предполагать, что здѣсь пролегаетъ этотъ грандіозный путь. Березовый свѣтлый лѣсокъ, поля, копны сѣна, болота, озеро, полное дикихъ гагаръ, зайцъ въ кустахъ, еще не